

МОНЫ. Это было философское размышление об ответственности человека при встрече с «демонами в одежде из свинца», смеющимися «над гармонией светил». Г.-К. был привержен идеям антропософии, которые вошли в его сознание еще в 1920-е. Утверждение чувства единства человека с духовной основой Вселенной характеризует поэзию Г.-К. в целом так же, как утверждение чувства родины. В 1951, когда резко ухудшились отношения между югославскими и советскими властями, Г.-К. за свою гражданскую позицию был брошен в тюремные казематы — на 2 года. И вновь рождались стихи: «Вам кажется — Россия далеко. / А здесь она, моя Россия» (1951). Возвращение на родину состоялось в 1955. В Москве Г.-К. развернул обширную науч. деятельность как сотрудник ИМЛИ АН СССР. Много переводил на русский: произведения «Поэтов Далмации эпохи Возрождения XV–XVI вв.» (М., 1959), былины в сб. «Эпос сербского народа» (М., 1963), стихи итальянских поэтов, «Новую жизнь» Данте (М., 1968). В 1967 в серии «ЖЗЛ» вышла его книга «Данте», в которой проявился не только талант ученого, но и дар отличного повествователя (рассказы Г.-К., начал публиковать в конце 1920-х).

В конце 1950-х критик Н. И. Замоскин попытался опубликовать подборку стихов Г.-К. Но безуспешно — она осталась лежать в его архиве. Только однажды увидели свет стихи Г.-К. — в сб. «**В краях чужих**» (М.; Берлин, 1962). В 1965 Г.-К. был принят в СП СССР. Последнее стих. написал в 1968. Г.-К. остался до конца приверженцем поэзии, мысли и культуры символизма. Прочитав в рукописи «Поэму без героя» А. А. Ахматовой, с радостью отмечал черты, роднящие ее с символизмом. Отечественный читатель стал знакомиться с поэзией Г.-К. только в 1990-е.

Соч.: Память / предисл. Вяч. Иванова. Париж, 1935; Четыре стихотворения // Новый мир. 1991. № 8. С. 158–159; Стихотворения / вступ. и прим. И. Голенищевой-Кутузовой // Лепта. 1992. № 4. С. 122–130; Заповедный круг римских воспоминаний...: Переписка И. Н. Голенищевой-Кутузова и Вяч. Иванова (1928–1938) / вступ. и комм. И. Голенищевой-Кутузовой // Октябрь. 1993. № 3. С. 169–184; Стихотворения // Мы жили тогда на планете другой...: Антология поэзии Русского зарубежья / сост. Е. Витковский. М., 1994. Кн. 3. С. 89–100; Николай Гумилев: [статья 1936]; Евгений Замоскин. Очерк творчества // Русская словесность. 1994. № 4. С. 15–23; № 6. С. 15–24; Зощенко и ирония. Статья 1933 г. / предисл. и прим. В. Перхина // Нева. 1994. № 8. С. 305–307; [Стихотворения] / предисл. и комм. В. Крейда // Вернуться в Россию стихами... М., 1995. С. 168–170.

Лит.: Лихачев Д. С. Илья Николаевич Голенищев-Кутузов // Русская лит.-ра. 1969. № 4. С. 175–179; Бурић О. Руска литерарна Србија. 1920–1941 (писци, кружоци и издања). Београд, 1991. С. 64–65, 92–98, 102–106; Голенищев-Кутузова И. Я больше не в силах скрыться от страшного зова России... К 90-летию со дня рождения И. Н. Голенищевой-Кутузовой // Российский литературоведческий ж. 1994. № 4. С. 278–297; Лики времени. Парижские эссе. М., 2004.

В. В. Перхин

ГОЛОВИНА́ Алла Сергеевна [15(28).7. 1909, с. Николаевка, Киевской губ.— 2.6.1987, Брюссель] — поэт, прозаик.

Урожденная баронесса Штейгер. Ее дед, швейцарец, переселился в Россию в начале XIX в. и занимал высокий пост в Управлении торгового флота. Барон Штейгер, отец Г., родился в Швейцарии, но рос и получил образование в России, которую в 1920 покинул, выехав с семьей через Одессу в Турцию. Затем семья переехала в Чехословакию, где Г. и ее брат, будущий поэт А. Штейгер, окончили русскую гимназию в Моравской Тршебове. Там Г. начала писать стихи и познакомилась с М. Цветаевой, навещавшей свою дочь в гимназии. Дружеские и эпистолярные контакты будущей поэтессы с Цветаевой длились до отъезда последней в Советскую Россию. После гимназии Г. поступила в Пражский ун-т (1928–31), приняла участие в содружестве «Скит поэтов», которым руководил профес-

А. С. Головина

сор А. Л. Бем. Печататься начала в 1928 в «Возрождении». В 1929 вышла замуж за скульптора и художника А. С. Головина и в 1935 переехала с ним в Париж, где познакомилась с писателями, посещавшими лит. кафе «Купол»: Луниным, Ходасевичем, Ивановым, Одоевцевой, Адамовичем, Поплавским, Мережковским, Гиппиус, Набоковым и Гулем. Г. настойчиво отговаривала Цветаеву от возвращения в СССР. Цветаева намеревалась оставить Г. весь свой архив, но стесненные жилищные условия не позволили Г. разместить его у себя.

В начале Второй мировой войны семья Штейгеров уехала в Швейцарию (за ними по наследству сохранилось швейцарское подданство); Г. и ее брат, владевшие русским, французским и немецким яз., получили работу в военной цензуре. От первого брака у Г. сын Сергей Головин — писатель и переводчик, живущий в Швейцарии. В 1951 вторым браком Г. вышла замуж за бельгийца Филиппа Жиллеса де Пелиши, с 1955 и до конца жизни жила в Бельгии. В этот период Г. писала рассказы.

Первая книга Г. — поэтический сб. **«Лебединая карусель»** (Берлин, 1935). Вторая книга стихов **«Городской ангел»** (Предисл. Е. Эткинда. Брюссель, 1989) и третья — **«Ночные птицы»** (Брюссель, 1990), а также сб. стих. и прозы **«Вилла „Надежда“»** (М., 1992) вышли посмертно. Стихи Г. публиковались в ж. «Воля России», «Русские записки», «Новый ж.», в сб. «Скит поэтов» (Прага), в газ. «Руль», «Возрождение». Тепло отзывался о ее стихах В. Ходасевич, ценя ее тонкие поэтические находки. Примечательным доказательством искренней симпатии И. Бунина является шуточная его надпись на книге своих рассказов, подаренных Г.: «Дорогая Алла! Как мне не везет с Вами! Когда я был молодой, Вы были девчонка, когда Вы стали очаровательной женщиной, я стал старым хрычком!» (16 авг. 1953. Домашний архив Ф. Жиллеса де Пелиши в Брюсселе).

В поэтическом наследии Г. ярко выражен мотив трагедии эмигрантской русской судьбы и ностальгии. Поэтесса своеобразно осмыслила главные исторические события, перевернувшие судьбу России в 1917, — утерю и новое обретение православной веры, убийство царской семьи. Тонко отражено в стихах Г. и чувство неразрывной связи с родной землей, одновременно — здоровое, не подверженное обиде чувство патриотизма, особенно ярко в годы Второй мировой войны. В стих. **«Сумасшедший дом. Аккуратный парк»** героиня сходит с ума от предчувствия

гибели царского наследника. Она обращается к мифическому врачу-психиатру — «Искую врач отвечает ей: / — Был расстрелян в Сибири дофин Алексей» (Вилла «Надежда». С. 30). Тяжелое чувство вины, которое способен взять на себя только настоящий поэт, неразрешимость вопроса «кто виноват?» звучит в стих. **«Сыну»**: «Питерсбург, Петербург, Петроград, Ленинград... / Это Летний крыловский сияющий сад. / Почему же он вечно в крови и снегу? / Я не знаю, Сережа, и знать не могу» (Там же. С. 29). Мучительно звучит в стихах Г. тема единокровия и разъединенности духа и веры в одном народе на фоне страшного преступления: «Стоял Алексей, / Петроградской белой ночи бледней. / Ликовал почему-то советский народ / И уже собирался в какой-то поход. / Эмигрантская дева жива не жива...» (Там же. С. 30). Преодолев острое чувство своей непохожести на «советский народ», Г. приезжает в Советскую Россию: «В столице Москве, впервые / Крещу эмигрантский лоб... / Ну, здравствуй, ну, здравствуй... / На улице русская речь, / Что от какой-то латыни / Мы сумели сберечь» (Там же. С. 31).

Критики, анализирующие поэзию Г., отмечают заметное влияние Цветаевой и Ахматовой на ее творчество. По мнению Е. Эткинда, она ближе всего к акмеистам. Однако это лишь один из фрагментов общего культурно-исторического влияния эпохи: здесь и Цветаева с ее тяжелой надрывностью, и акмеистическая лексико-интонационная легкая тень Ахматовой, и определивший во многом настроение ее стихов символистский цвет Блока. Но есть и еще более глубокие корни поэтического почерка Г.: это ее любимая Малороссия, Украина, которую она никогда не забывала в своем долгом эмигрантском пути: «Киевским крестиком, киевским швом... / Красный петух на дому неживом. / Черною ниткой пожарище шью. / Желтой — подсолнухи в синем раю... / Здравствуй — кургану. Здравствуй — тебе... / Здравствуй, дорога на Богуслав. / Кто оказался все-таки прав?» (Ночные птицы. С. 152). Отзвук малороссийской интонации в ее русской речи, прошедшей школу Гоголя, Сквороды, Шевченко и Леси Украинки, — вот тот неожиданный куст, с которого срывает прекрасные, ни на что не похожие, горькие цветы и плоды поэтесса. Главный герой ее стихов — вечно сопутствующий, но такой разный Ангел: светлый и темный, святой и грешный, крылатый и бескрылый. Несмотря на разнообразную палитру и множество неожиданных оттенков, в худож. портрете Г. отчетливо и ясно проступает православный и пра-

здничный, скорбящий и смиренный, праведно-воинственный взгляд на мир, на судьбу свою и своей страны. Поэтому преобладает у Г. ангел спасения: «В православной церкви над тобой / Плачет ангел серо-голубой / Над твоей несчастною судьбой» (Вилла «Надежда». С. 138). А над всем происходящим и происшедшим у нее всегда — «Недреманное око», о котором пишет она в стих. **«Одесские взрывы (1918 года)»**: «Тогда в Александровском парке / Нас няни готовили к смерти... / Мы выжили... Рассосалось / Над нами страшилище чада... / Вверху недреманное око» (Там же. С. 129). Это же стойкое православное отношение к миру звучит и в ее прозе. В рассказе «Вилла „Надежда“» в образе маленького рус. героя, который умирает на чужбине, Г. отражает главную черту национального характера — редкую особенность всечеловеческого, большого, лишённого эгоизма мечтания о братстве. Мечтания, разбившегося об острый революционный угол российской истории. В **«Автобиографических заметках»** Г. писала: «Не хватает, как воздуха, литературных контактов, но мой интерес ко всему, что касается русской литературы и русских судеб, велик и неистребим» (Городской ангел. С. 126).

Соч.: Лебединая карусель. Берлин, 1935; Городской ангел. Брюссель, 1989; Ночные птицы. Брюссель, 1990; Россия в зарубежном мире // Лит. Россия. 1990. 22 июня; Вилла «Надежда». М., 1992; Из переписки И. А. и В. Н. Буниных с А. Головиной (1942–1953) // И. А. Бунин и русская лит-ра XX в. М., 1995.

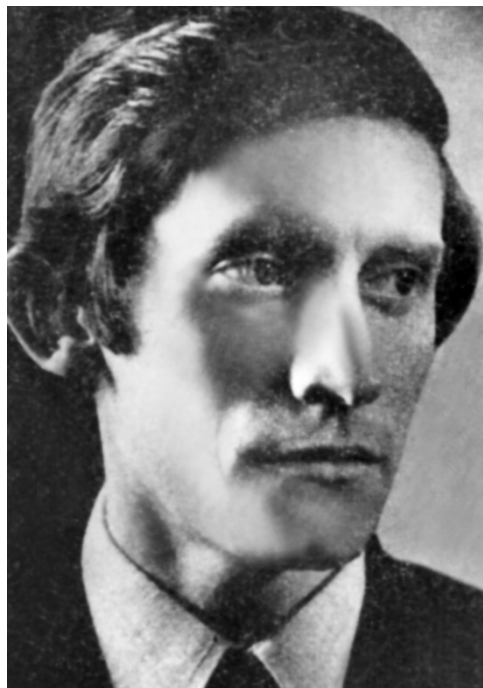
Лит.: Пахмусс Т. Двойственное видение мира в поэзии А. Головиной // Записки Русской академической группы в США. 1991. Т. 26.

Л. Г. Баранова-Гонченко

ГОЛУБЕВ Валентин Павлович [25.11.1948, пос. Сосновая Поляна Ленинградской обл.] — поэт.

Родился в семье плотника; родители — выходцы из крестьян Костромской губ. «Неизгладимые впечатления на всю жизнь оставило детство: материнские песни и сказки, сельские праздники, здоровый уклад жизни», — вспоминает Г. (**Автобиография**. Отдел новейшей лит-ры ИРЛИ РАН). Стихи начал писать в школьные годы, первая публикация — в 1964 в газ. «Ленинские искры». После окончания школы учился в техникуме, ЛГУ, работал автомехаником, начальником цеха на заводе.

В середине 1960-х Г. знакомится с поэтом Игорем Григорьевым и входит в круг его об-

В. П. Голубев

щения (А. Прокофьев, И. Глазунов, Ф. Абрамов, П. Выходцев, А. Горелов), где формируются эстетические и худож. взгляды поэта. В начале 1970-х Г. — член лит. мастерской СП при ж. «Аврора», руководил которой А. Шевелев. Г. публикует стихи в периодике Ленинграда и Москвы (ж. «Аврора», «Молодая гвардия», «Студенческий меридиан», альм. «Истоки», «Молодой Ленинград», «День поэзии»). Участник VI Всесоюзного совещания молодых литераторов в Москве (1975). Вместе с А. Шевелевым представляет Ленинград на Всесоюзном фестивале молодой поэзии в Ашхабаде (1976). В том же году выходит первая книга стихов **«Праздник»**. Г. совмещает лит. труд с работой на производстве, пройдя путь от слесаря, автомеханика до начальника крупного заводского цеха.

В 1980-е Г. близко сходит с Н. Тряпкин, Ст. Куняевым. В конце 1980-х активно участвует в создании Ленинградской областной писательской организации, объединившей патриотически настроенных литераторов города; создает и возглавляет поэтическую мастерскую «Содружество». Член СП с 1990. В 2001 за книгу стихов **«Русская рулетка»** удостоен Всероссийской лит. премии им. Александра Прокофьева «Ладога».

Уже в первой книге «Праздник» (1976) заметны стремление Г. к философскому ос-